

К читателю

Эта книга — плод многолетних трудов автора, психолога и музыковеда Дины Кирнарской. Автор-психолог и автор-музыкант здесь прекрасно дополняют друг друга, и потому книга становится более правдивой и достойной доверия. Каждый музыкант судит о музыкальных способностях «со своей колокольни», руководствуясь своим опытом, но эта книга все же максимально объективна. Не знаю аналогичного труда о музыкальном таланте, где столь активно привлекался бы весь багаж знаний современной науки. Музыканты удивятся, насколько обширная область знания — музыкальная психология — располагается с ними «по соседству», занимаясь изучением их способностей, их восприятия, их памяти. Каждое суждение опирается на большой научный материал и пропитывается им.

Книга разрушает популярные мифы. Многие считают, что для занятий музыкой нужен очень хороший слух, что начинать эти занятия надо чуть ли не в колыбели; они думают, что вундеркинды — это те, кому уготована судьба Моцарта, и что эта судьба, пусть в меньшем масштабе, повторяется в жизни большинства одаренных детей. Все это не так, и автор книги шаг за шагом развеивает многие иллюзии. Оказывается, можно с удовольствием заниматься

музыкой и без выдающегося слуха в привычном его понимании, начать музыкальные занятия можно в любом возрасте и добиться успеха, и всякий талант, в том числе музыкальный, состоит из многих компонентов: достаточно обладать ими хотя бы в некоторой степени, и человек может с полным основанием считать себя музыкальным. Музыка открыта каждому, она готова общаться со всеми, кто делает шаг ей навстречу, и читатели смогут убедиться в этом, опираясь на опыт мировой психологической науки.

Талант и способности — тема, интересная всем, может быть даже интимная тема. Нет человека, который был бы равнодушен к своим способностям и не интересовался бы своим талантом. И даже если читатель наделен другими далекими от музыки дарованиями, эта книга многое ему скажет. В конце концов, все мы созданы природой по единому плану, все таланты в той или иной степени родственны по своему строению, и читатель легко перенесет полученные из этой книги знания на себя, на свой талант и свои способности — лучшее понимание музыкальной одаренности поможет глубже проникнуть в сущность любого дарования.

В этой книге меня привлекает не только содержание, но и форма. Она написана легко, понятно, в ней нет перегруженности терминами, чем часто грешит научная литература. Может быть, это происходит оттого, что автор книги — не только ученый-психолог и исследователь музыки, но и журналист. Или потому, что автор неравнодушен к своему герою. Музыкант-ученик, музыкант-композитор, музыкант-исполнитель — все они вызывают любовь автора, который будто вместе с ними испытывает творческие муки и стремится к совершенству. Особенно заметна эта любовь в последней главе «Homo Musicus»: вооружившись научными данными, автор рассказывает, насколько музыка обогащает человека, насколько она совершенствует его мышление, насколько более наблюдательным и чутким, оснащенным столь необходимыми сегодня навыками общения становится тот, кто любит музыку и рад отдать ей свое свободное время. Такой человек будет вознагражден. Не могу не согласиться с автором, который призывает всех познакомиться с музыкой поближе. От этого выиграет не только Музыка, которая приобретет еще одного поклонника, но прежде всего сам человек. Если кто-то еще не уверен в том, что музыка ему нужна, он может начать чтение этой книги с последней главы. А потом сам захочет узнать о музыкальных способностях все, что в этой книге написано. Читателя ждут интересные встречи с музыкой, музыкантами и своими собственными музыкальными способностями.

Геннадий Рождественский

The background is a solid teal color with a repeating pattern of faint, light-colored musical notation, including staves, notes, and clefs. A thin white vertical line runs down the center of the page.

Специальные способности

Индивидуальные различия и идея равенства

«Человек может все», «талантливый человек талантлив во всем» — подобные утверждения внушают обществу оптимизм и уверяют каждого, что для него ничего невозможного нет. Стоит только захотеть, и он станет чемпионом олимпиад, красноречивым адвокатом или вдохновенным поэтом. Однако даже весьма одаренные люди редко блистают талантами сразу в нескольких областях: напротив, талант очень избирателен, а люди-титаны, похожие на Леонардо да Винчи, крайне редко встречаются. Древние греки, желая подчеркнуть избирательность таланта, наделили каждого из богов лишь одним из них: Гермес талантлив в коммерции, Аполлон — в искусстве, Деметра — в земледелии, Зевс — в управлении. Обычно человеку дано блистать и поражать современников чем-то одним; найти свое природное призвание — нелегкая задача.

Глядя на любимцев фортуны, которые чрезвычайно в чем-нибудь преуспели, нельзя не задаться вопросом: почему им это дано, а другим нет? Оттого ли они превзошли других, что от природы одарены некими особыми качествами, или может быть, их усердие было столь велико, что, преодолев все преграды, они оставили

позади более слабых и ленивых? А может быть, им просто повезло и они с раннего детства начали свой путь к мастерству, получив поэтому большую фору, в то время как другие вынуждены были «встать на дистанцию» гораздо позже, потеряв драгоценное время? Или у больших мастеров оказались лучшие учителя, которые передали им бесценные секреты профессии, а другим в силу случайных обстоятельств эти учителя не встретились и им не у кого было почерпнуть необходимые знания? Или, что с точки зрения здравого смысла наиболее вероятно, все эти факторы присутствуют в той или иной степени, но тогда проблема учета каждого из них, его реального влияния в каждом конкретном случае становится чрезвычайно сложной...

На все заданные вопросы, несмотря на их противоречивость, стремится ответить психология специальных способностей, которая, в свою очередь, входит в более крупный раздел психологической науки под общим названием «психология индивидуальных различий». Этот раздел научная психология ощущает как своего рода ахиллесову пяту, прежде всего потому, что касается он крайне чувствительной для общественного самосознания области — здесь научная психология сталкивается с популярной во все эпохи идеей равенства. Все общественное развитие устремлено к тому, чтобы неравенство рождения и воспитания было смягчено равенством образовательных возможностей, чтобы неравенство социального происхождения смягчалось инструментами демократии, дающими каждому шанс выдвинуться и занять высокое общественное положение. Каждый должен знать, что он принципиально ничем не хуже других, а если в его жизни что-то не так, то в своих неудачах следует винить отсутствие нужного усердия, не слишком ретивых учителей, неблагоприятные обстоятельства, но только не мать-природу, обделившую неудачника талантом.

Тенденция нынешнего времени к политкорректности естественно довлеет над психологической наукой в той ее части, где говорится об индивидуальных различиях, в том числе и в области способностей, одаренности и таланта. В то же время стремление узнать правду тоже достаточно сильно — не случайно на гербе Гарвардского университета кроме латинского «Veritas», что означает «Истина», никаких других слов нет: «Свобода», «Равенство» и «Братство» — лозунги политических движений, а не научных сообществ, и ученые-психологи, несмотря на постоянное общественное давление, ищут и находят причины индивидуальных различий, которые с точки зрения политкорректности далеко не всегда всех устраивают.

IQ как «таблетка от всего»

IQ, или «коэффициент интеллекта», с легкой руки английского исследователя Ганса Айзенка стал не просто научным понятием, но влиятельным фактором общественной жизни. Его измеряют всюду: в школе, на вступительных экзаменах в университеты и во время интервью при приеме на работу. IQ возник не на пустом месте и стал практическим инструментом для проведения в жизнь теории психолога Чарльза Спирмена, который в начале XX века приступил к измерению некоего общего g-фактора, объясняющего все наши успехи, чего бы они ни касались. Эта гипотеза близка народной присказке: «Талантливый человек талантлив во всем»...

G-фактор, для измерения которого как раз и существуют тесты на IQ, восходит к интеллектуальным свойствам, благодаря которым человечество выжило, — иными словами, речь идет об умении подмечать в предметах и явлениях повторяющиеся свойства и отношения и формировать на этом основании определенные ожидания. То есть люди и животные, для которых прошлый опыт служит уроком на будущее, обладают более весомым g-фактором, чем те, кто никак не возьмет в толк, что и сегодня банан следует сбивать такой же палкой, что и вчера. Если однажды в древности кто-то заметил, что гром и молния неразрывно связаны, то в следующий раз, когда грянет гром, он уже не будет вставать под дерево, потому что может ударить молния и испепелить его. Если ребенок, осваивая родной язык, однажды понял, что «мой» означает «принадлежащий мне», то он с легкостью распространит это понятие на все без различия, что он полагает своим: сразу же появятся «моя мама», «мой брат», «мои игрушки», «мои сны». G-фактор дает нам возможность мыслить в некоторой степени абстрактно, или, лучше сказать, «аналогово», находить в предметах и явлениях сходства и подобия и, таким образом, не заниматься каждый раз «открытием Америки», а однажды расшифрованное и понятое адекватно использовать в похожих ситуациях.

Наиболее удачное название психологического свойства, основанного на g-факторе, — обучаемость: человек, обладающий g-фактором в большой степени, быстро и эффективно усваивает алгоритмы, которым подчиняются те или иные процессы и явления, и умеет этими алгоритмами пользоваться. Американские психологи во главе с профессором Стэнфордского университета Льюисом Терменом в 1910-х годах совершенствовали способы измерения g-фактора и ввели в обиход IQ, коэффициент интеллекта. Термен несколько упростил спирменовские измерения интеллекта, сделал их более практичными и понятными — теперь их

использовали в работе с солдатами, призванными на Первую мировую войну. Через некоторое время Г. Айзенк продолжил «шлифовку» теста Термена, чтобы помочь в отборе английских волонтеров, направляющихся в Африку: многие из них бежали обратно домой буквально через месяц, потому что не могли приспособиться к новым условиям. Нужно было заранее знать, кто сможет осознать иные жизненные реалии и вписаться в них, а кто не сможет. Эту задачу Айзенк блестяще решил, предложив серию заданий, для выполнения которых, кроме карандаша и бумаги, ничего не нужно. В этой серии путем фиксации сходств и различий между пространственными фигурами, цепочками буквенных знаков, цифр или слов надо вывести закономерности, которые превращают эти серии в своеобразные системы, как то: «от простейших рядов чисел: 3, 5, 7 и далее продолжайте» до гораздо более сложно связанных элементов.

Оказалось, что те, кто усваивают алгоритмы, заключенные в заданиях на IQ, и могут работать с искусственно созданными в них системами, не только лучше умеют приспособливаться к новым обстоятельствам, но и гораздо лучше учатся вообще: в школе, в университете, на профессиональных курсах и т. д. Люди, обладающие высоким IQ, можно сказать, получили выигрышный билет, гарантирующий жизненный успех, — наконец-то психология стала наукой, выводы которой необходимы не только психологам! Открытие IQ сделало психологию экспериментальной и серьезной наукой в глазах общества, поскольку она помогла решать важные и насущные задачи. Увлечение IQ стало модой во многих странах, особенно в США. Где, как не в Америке, стране эмигрантов, нужны были практики, люди, обладающие хорошей умственной «хваткой», умеющие быстро ориентироваться в разных условиях и приобретать новые навыки. Как соблазнительно было объявить, что теперь мы не дадим пропасть в неизвестности будущим гениям и уже в школе сможем распознать «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов»? Отпраздновать победу психологии над общественным скептицизмом решил сам автор метода Л. Термен: он посвятил свою научную жизнь исследованию IQ и доказательству его всемогущества.

Ирония заключалась в том, что Термену удалось доказать едва ли не обратное тому, что он планировал в начале своего грандиозного эксперимента. Он собрал сведения о более чем тысяче школьников, имеющих высокий (свыше 140 баллов) и сверхвысокий (свыше 180 баллов) IQ. Ученый следил за их успехами более четверти века, до их 45-летия. Желая приблизить победу, Термен выяснил IQ уже признанных крупных талантов, надеясь, что